

ведется. В результате спасены десятки тысяч человеческих жизней. Стремясь всемерно способствовать заключению мирного договора между участниками конфликта, религиозные лидеры России, Азербайджана и Армении вновь собрались 24 ноября 2000 г. в Москве. В единодушно принятом документе они решительно осудили «агрессивный национализм, ксенофобию, пропаганду этнического превосходства и унижение национальных чувств» и, подчеркнув, что «никакой народ не будет счастлив за счет другого народа», призвали

руководителей Армении и Азербайджана, «терпеливо преодолевая все сложности и противоречия, достичь взаимоприемлемого решения карабахской проблемы» (Хатами М. Надеюсь, что закончилась эра злобы и насилия // Дипкуррьер. 2001. 15 февр.).

4 См.: Устьянцев В.Б. Цивилизационные концепты общества риска // Философия и будущее цивилизации. М., 2005.

5 Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты. Саратов, 2006. С. 197.

УДК 111 + 929 Эко

СТРУКТУРА ПРИСУТСТВИЯ: У. ЭКО И ИСТОКИ ГЕРМЕНЕВТИКИ ОТКРЫТОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В.Г. Косыхин

Саратовский государственный университет,
кафедра философии и методологии науки
E-mail: KosyhinVG@rambler.ru

Статья рассматривает вопрос о влиянии творчества Дж. Джойса на становление и развитие философских и семиологических воззрений У. Эко. Особое внимание уделяется связи между романом Джойса «Поминки по Финнегану» и эстетическими поисками Эко. Также затрагивается вопрос об общности герменевтики джойсовского творчества у У. Эко и Ж. Деррида.

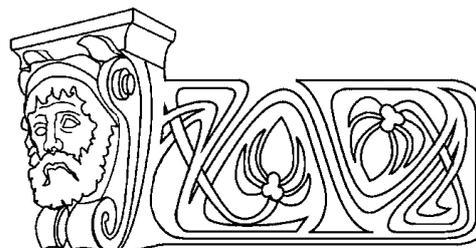
Aesthetics on Egen's Language: Eco and Youce

V.G. Kosykhin

The article deals with the question of Joyce's influence on formation and development of philosophical and semiological views of Umberto Eco. Special attention is dedicated to the relationship between Joyce's novel *Finnegan's Wake* and Eco's esthetical researches. The article also touches upon the issue of close positions of U. Eco and J. Derrida in hermeneutics of Joyce's work.

Выявление джойсовских тем и мотивов в эстетике Умберто Эко уже заранее кажется делом, обреченным на успех, поскольку сам Эко никогда не делал тайны из своего особого интереса к творчеству Джеймса Джойса. Очерк о Джойсе должен был, по словам самого Эко¹, составить вторую часть его «Открытого произведения», книги, которая после своего выхода в свет в 1962 г. сделала имя Эко известным научному миру Италии.

Специализация Эко в области философской эстетики и медиевистики немало способствовала тому, что новации, внесенные им в герменевтику джойсовского творчества, оказались весьма существенными. Это и философская интерпретация джойсовских эпифаний, последовательно прослеживаемых от «Дублинцев» к «Поминкам по Финнегану», и детальный разбор связи эстетики Джойса со средневековой схоластической

эстетикой Фомы Аквинского, не говоря уже о попытке рассмотрения всего творчества Джойса как «диалектической истории различных поэтик»², которые в своем противостоянии и взаимодополнении позволяют проникнуть в судьбы современной культуры и искусства³. Неудивительно, что книга о Джойсе, «Поэтики Джойса», изданная Эко в 1965 г., принесла ему всеевропейскую известность.

Но при всем неоспоримом влиянии Джойса на формирование эстетических идей Умберто Эко, можно задаться вопросом о степени этого влияния, а именно: в какой мере оно может считаться определяющим или даже предопределяющим для всего последующего творческого пути Умберто Эко.

Для ответа на этот вопрос, на наш взгляд, необходимо вернуться к раннему периоду творчества Умберто Эко. Еще в начале 50-х гг. XX в., будучи студентом Туринского университета, Эко занимается анализом средневековой культуры и эстетики и особенно творчеством Фомы Аквинского. В 1956 г., в возрасте двадцати четырех лет, Эко защищает докторскую диссертацию по теме «Проблемы эстетики Фомы Аквинского». Интерес к творчеству Аквината, естественно, пробуждает у молодого Эко желание глубже ознакомиться с рецепцией эстетических идей святого Фомы в современном искусстве и философии. И здесь он вплотную сталкивается с творчеством Джеймса Джойса, который выстраивал свою эстетическую теорию, опираясь на доктрину Фомы Аквинского. Характерные для эстетики Аквината проблемы формы, пропорции, целостности, ясности, эпифании и т.д. будут подробно рассматриваться Эко в его «Эволюции средневековой эстетики», написанной им в 1958 г. главы четырехтомного академического учебника по эстетике и затем вышедшей отдельным изданием. Но эти же проблемы обсуждает и Джойс на многих страницах

своих произведений, таких как «Портрет художника в юности» (1914), «Улисс» (1922) и «Поминки по Финнегану» (1939). Как напишет Эко в заключительной главе «Эволюции средневековой эстетики», «именно благодаря универсализму и строгости своих формулировок средневековая эстетика, если мы выйдем за пределы попыток буквальной реконструкции, способна кое-чему научить нас сегодня. Речь вовсе не идет о том, что ушло в безвозвратное прошлое и не может быть воспринято теперь. Та эстетика обладала великолепно слаженными категориями, которые сегодня могут стать источником новых прозрений, – именно это удалось Джеймсу Джойсу»⁴.

Важность обращения именно к Джойсу за извлечением уже во многом утраченного современным мышлением смысла средневековых эстетических категорий Эко будет обосновывать тем, что в отличие от отношения к средневековью многих других исследователей, для Джойса оно было не просто объектом академического интереса, но призванием и судьбой, а джойсовскую интерпретацию теоретического наследия Фомы Аквинского Эко назовет конгениальной, подобно тому, как сам Фома Аквинский конгениально интерпретировал Аристотеля⁵.

Джойсовскую интерпретацию мысли Аквината Эко противопоставляет ее интерпретациям в философии неотоцизма, стремившегося приспособить наследие Фомы Аквинского к современности. Так, в частности, в своей библиографии к «Эволюции средневековой эстетики», так же, как и в самом тексте, заканчивающейся отсылкой к Джойсу, Эко сравнивает Джойса с таким авторитетом в области философской герменевтики средневековой схоластической мысли, как Жан Маритен. Отмечая бесспорные заслуги работ Маритена в деле введения в современный научный оборот терминологии средневековой схоластики, Эко ставит под сомнение корректность маритеновской интерпретации, находящейся под влиянием бергсонизма. Этому противопоставляется эстетика, квинтэссенция которой выражена в книгах Джойса, где категории Святого Фомы, по мнению Эко, интерпретируются «бестрепетно и остро». В 1986 г. (т.е. спустя 30 лет) в переиздании этой книги Йейльским университетом Эко повторит, что именно путь, опирающийся на Джойса, а не на Маритена, позволяет действительно воссоздать средневековую эстетику в подлинно томистском ключе. Эко отсылает читателя к собственной работе о Джойсе, вышедшей годом ранее, в 1957 г., к «Поэтике и эстетике у Джойса» в журнале «Ривиста ди эстетика» за январь–апрель 1957 г. (это означает, что Джойс внимательно читался им и в 1956 г., когда писалась эта статья, когда Эко защищал диссертацию по Аквинату).

Впрочем, Джойс внимательно читается Эко не только в 1956 и 1957 гг. В 1958–1959 гг. Эко работает в миланском отделении радиовещательной корпорации. Вспоминая то время, спустя почти

30 лет, Эко напишет: «В ту пору я изучал Джойса и все вечера проводил у Берлио (в музыкальной студии Лучиано Берлио), мы ели армянские блюда Кэти Берберян и читали Джойса»⁶. Вместе с Берлио Эко принимает участие в создании 40-минутной радиопередачи «Посвящение Джойсу», в которой одиннадцатая глава джойсовского «Улисса» на трех языках – английском, французском и итальянском.

В эти годы Эко начинает работать над «Открытым произведением», большую часть которого занимал очерк о Джойсе, который однако не был включен в первое издание «Открытого произведения» на итальянском языке в 1962 г. Но даже и без очерка о Джойсе в «Открытом произведении» говорится уже в первой главе: «Здесь излишне напоминать читателю о том, что классическим примером “открытого” произведения, как раз и задуманного для того, чтобы дать точную картину экзистенциального и онтологического состояния современного мира, является произведение Джеймса Джойса»⁷.

По словам Эко, уже «Улисс» преодолевает представления об однонаправленном течении времени и однородном пространстве, а в «Поминках по Финнегану» мы оказываемся в «космосе Эйнштейна», вбирающем в себя все возможные пространства и времена⁸. Позже, в «Поэтиках Джойса», через три года Эко скажет, что Джойс идет гораздо дальше Эйнштейна. Так, Эко говорит, что хотя не ошибаются те, кто видят в «Поминках по Финнегану» релятивистский универсум, где каждое слово становится «пространственно-временным событием, тем не менее эта книга выходит за и без того тревожащие пределы теории относительности...»⁹. Кстати, и заканчивается «Открытое произведение» отсылкой к «Поминкам по Финнегану».

Но почему же в первое издание «Открытого произведения» не вошли «Поэтики Джойса»? По трем причинам:

1) Эко считал это издание пробным и планировал включить туда главы о Джойсе в более позднем издании (что он и сделает в 1965 г.);

2) он хотел издать книгу о Джойсе отдельно и считал материал еще недостаточно проработанным. Изучение Джойса, по его словам, было в самом разгаре, и заканчивать его Эко не собирался;

3) в 1960 г. состоялось знакомство Эко с издателями журнала Филиппом Соллерсом, Р. Бартом и др., журнал делал только первые шаги, они предложили первую публикацию Эко за границей, заказали Эко статью... правильно, о Джойсе, вышедшей в двух номерах «Тель Кель» уже в 1962 г. И в 1960–1961 гг. Эко также занимается Джойсом.

Чем же занимается Эко в 1962, 1963, 1964 гг.? Конечно, многими вещами, но он не оставляет занятия Джойсом, планирует издать свою книгу о Джойсе. Она уже почти готова к 1962 г., но тут

поступает просьба от французского издательства «Сей», которое предложило Эко выгодный контракт, чтобы планируемая книга о Джойсе была переведена им на французский еще до того, как она выйдет в Италии.

Этот перевод занял, по словам Эко, у него три года, он трижды переделывал ее вместе с Франсуа Валеом, который, как пишет Эко (хорошо, что цензурно), проверял каждую строчку; более того, по поводу каждой строчки он присылал Эко письмо на трех страницах, полных вопросов, или же сам Эко ехал в Париж для обсуждения и так продолжалось вплоть до 1965 года...¹⁰

Заметим, что в теме «Эко и Джойс» издание его книги на итальянском в 1965 г. мало что изменило (тем более что французское вышло раньше в том же году). Именно в процессе работы над книгой о Джойсе Эко узнал от Валя о Леви-Строссе, Якобсоне, Барте и начал изучать структуралистов, а затем и познакомился с ними, т.е. Джойс выступил косвенной причиной творчества Эко-структуралиста и постструктуралиста.

Заметим, что такое пристальное многолетнее чтение Джойса вовсе не являлось исключительной прерогативой Умберто Эко, которая могла бы быть объяснена личными литературными пристрастиями ученого. Представляется интересным сопоставить этот опыт чтения с другим, но в чем-то похожим опытом чтения Джойса, предпринятым знаменитым французским философом Жаком Деррида, кстати, также, как и Эко, являвшимся одной из ключевых фигур постструктурализма. В работе о Джойсе Деррида пишет: «Именно с этим чувством... я и читал, должно быть, Джойса много лет... Впрочем, не знаю, можно ли сказать “я читал Джойса”, как я это только что сделал... Кто может похвастаться тем, что “прочел Джойса”?.. Человек остается на краю такого чтения: для меня это длится вот уже более двадцати пяти лет, причем непрерывное ныряние вновь и вновь отбрасывает меня на берег, на кромку какого-то иного возможного погружения, и так до бесконечности»¹¹. Мы вполне можем предположить, что именно такой опыт бесконечного или нескончаемого прочтения был хорошо знаком Умберто Эко.

В 1979 г. выходит в США «Роль читателя», сборник переработанных специально для этого издания статей Эко, где он утверждает, что берет «Поминки по Финнегану» в качестве модели языка вообще, языка как такового. Это произведение Джойса он считает метафорой процесса неограниченного семиозиса и называет роман моделью глобальной семантической системы.

И вновь сопоставим мнение Эко с тем, что говорит Жак Деррида: «Ведь вы не можете сказать ничего такого, что не было бы запрограммировано на этом компьютере тысячного поколения – *Ulysses, Finnegans Wake*, – рядом с которым современная технология наших компьютеров, микрокомпьютеризированных архивов и перевод-

ческих машин остается всего лишь бриколажем, игрушкой доисторического ребенка»¹².

Далее, в той же работе Деррида утверждает, что всякий раз, когда он пишет что-либо, его «атакует некий фантом Джойса»¹³. Влиянием этого «фантома», по признанию Деррида, проникнуты практически все его основные произведения, причем «Фармация Платона» было лишь «неким прочтением “Поминок по Финнегану”»¹⁴, а «Похоронный звон» «является родом Wake, от начала и до конца»¹⁵. Можно ли сказать то же самое и о творчестве Эко, подразумевая, в первую очередь, решающее влияние Джойса на духовное становление и сам способ научного мышления итальянского ученого?

Для ответа на этот вопрос вернемся вновь к началу его творческого и научного пути. Когда в 1962 г. вышло «Открытое произведение» Эко, критики, такие как Газтано Сальветти, Фортунатто Паскуалино и др. (почти два десятка рецензий), отмечали, что «в части, посвященной Джойсу, нетрудно распознать духовную биографию автора «Открытого произведения» и что «самый значительный и убедительный аспект произведения Эко – поиск самого себя в Джойсе; и, вместе с самим собой, и других, а также смысла вещей»¹⁶. Приведя эту цитату из Фортунатто Паскуалино, Эко комментирует это так: вполне обоснованное подозрение.

Это подозрение станет еще более обоснованным, если мы заглянем в самый конец книги Эко о Джойсе, где он на последней странице своей книги называет «Поминки по Финнегану»... священной книгой, закладывающей основы новой веры и прямо причисляет себя к наследникам Джойса¹⁷.

И здесь я хотел бы задать неким вопросом или проблемой вполне в духе самого Эко с его оппозицией открытого и закрытого, шутивного и серьезного, а в конечном счете и того и другого вместе (как это обрисовывается Эко в его «Роли читателя»). Сформулирую вопрос в виде *неутверждающего утверждения*, в котором используется игра слов, основывающаяся на том, что Эко по-итальянски означает также «эхо» (многие критики Эко не раз с удовольствием использовали этот интересный факт): не является ли творчество Эко своеобразным отзвуком или эхом джойсовских «Поминок по Финнегану» (хотя бы в том же смысле, в каком Деррида рассматривал собственное творчество)? Наверное, сам Эко с его отношением к Джойсу вряд ли стал бы сильно возражать...

А теперь несколько следствий из этой гипотезы. Поскольку «Поминки по Финнегану» являются для Эко образцом открытого произведения, то и само творчество Эко должно быть открыто для разных множественных интерпретаций. Подобно «Поминкам по Финнегану», оно должно образовывать что-то вроде (если такое возможно) незамкнутого круга, имеющего своего рода начало и конец. И тогда... они должны совпадать

с началом и концом «Поминок по Финнегану». Посмотрим.

Как пишет Эко в «Поэтиках Джойса» о «Поминках по Финнегану», «эта книга заканчивается не потому, что она была тем или иным образом начата: можно сказать, что она начинается потому, что была закончена именно так». Последняя фраза «Поминок по Финнегану» в оригинале звучит так: «A way a lone a last a loved a long the»¹⁸, *примерным* переводом чего (в силу грамматических обстоятельств) может быть: «Путь одинокий, последующий по времени, любимый, долгий, (по)». Первой фразой «Поминок» является течение реки, «givegun». Эту фразу Эко трактует так: «“Rivergun” (“рекобег”) вводит в текучесть универсума “Помина”: текучесть временных и пространственных ситуаций, взаимное наложение исторических времен, двусмысленность символов, взаимообмен функциями между персонажами, многообразное понимание характеров и ситуаций и, наконец, полная текучесть лингвистического аппарата, в котором каждое слово, сконструированное как каламбур, является не одним, а несколькими словами, а каждая вещь – своей противоположностью»¹⁹.

Путь интеллектуальных исканий самого Эко также можно уподобить течению реки, бурлящему, беспокойному, вбирающему в себя различные тенденции и идеи современности, мгновенно откликающемуся на них, примером чему являются теоретические книги Эко. Но одновременно (вспомним последнюю фразу, завершающую «Поминки по Финнегану») это путь достаточно одинокий, позволяющий заниматься любимым делом – романами, пронизанными своего рода ностальгией по утерянному Раю и своеобразным этосом утопизма...

Не случайно, что и в «Формах и содержаниях» (1971), и в «Роли читателя» мелькают исполненные символической значимости фигуры Адама и Евы. Современное издание «Открытого произведения» ими заканчивается – при обсуждении вопроса о возможности создания эстетических сообщений на языке Эдема. В «Роли читателя» этот текст составляет заключительную главу первой части. Адам и Ева также фигурируют и в «Поминках по Финнегану», где сразу после первой словоформы «givegun» идет «past Eve and Adam's»²⁰, что означает как «поток прошлого», так и «мимоходом обходя Еву и Адама».

В статье 1985 г. «Открытое произведение: время и общество» Эко признает: «Естественно, сейчас кто-нибудь может спросить меня, смог ли бы я заново написать “Открытое произведение” в свете моих семиотических экспериментов... Насчет этого я выскажусь весьма неосторожно и решительно. Я это уже сделал. Я говорю об очерке «О возможности создания эстетических сообщений на языке Эдема», который можно найти в моей книге «Формы и содержания» (1971). Там только 23 страницы, но не думаю, что к этому можно еще что-нибудь добавить»²¹.

Странная для Эко категоричность: «не думаю, что к этому можно еще что-нибудь добавить». Но она не случайна. В данной статье Эко обсуждается возможность создания языка, содержащего всего два звука А и Б (со всеми импликациями и оппозициями, присущими этим началам). Все слова этого языка образованы из двух звуков, где АА означает утверждение (да), ББ означает отрицание (нет). Приводятся и другие примеры их сочетаний: АБА – «съедобное», БАБ – «несъедобное», АБ-ББА – «змея», БАААБ – «яблоко» и т.д. Вплоть до АББББАБАААААБ – «красно-синее». Отметим, что все на полном серьезе.

А теперь взглянем вновь на первую страницу «Поминок по Финнегану», где описывается падение из рая вышеупомянутых Адама и Евы: этот звук воспроизводится Джойсом как bababa и т.д. (все слово состоит из ста звуков)²². Здесь можно было бы возразить, что у Эко речь идет об АБ, у Джойса о БА. Но и это также находит свое объяснение. В «Поминках по Финнегану» Джойс говорит о Еве и Адаме, подчеркивая первичность источника падения как БА. Эко говорит об Адаме и Еве как АБ. В любом случае от перестановки слагаемых сумма не меняется, и Адаму соответствует А, а Еве – Б. И все-таки перед нами не простая тождественность, поскольку, как утверждает Эко, «метафизика вечных повторений» вовсе не исключает ни взаимного наложения противоположностей, ни перетекания из одной вещи в другую²³.

В конце концов «Поминки по Финнегану» также являются произведением, которое «не говорит ничего нового, но развивается как непрерывная “протеоформная” цитата»²⁴. Подобное «протеоформное» творчество требует для своего понимания смены герменевтических ориентиров, когда, как говорит Эко, «важно уже не то, что говорится, но сам факт того, что это говорится и что в процессе этого “говорения” создается образ возможных связей между событиями универсума»²⁵. Например, на языке Эдема между Адамом и Евой, АБ и БА, между Эко и Джойсом, между пишущим и читающим.

Итак, перед нами некий круг Или, говоря языком «Поминок по Финнегану», «рециркуляция», постоянно возобновляющаяся перекличка между Эко и Джойсом. Семиотическое приключение Эко постоянно подключается к джойсовской системе глобального семиозиса, превращаясь в своего рода фигуру вечного возвращения к Джойсу. Рециркуляция подразумевает, что этот круг незамкнут и не сводится к простому повторению, оставляя между началом и концом разомкнутую середину, сам процесс творчества, givegun, открытый всем ветрам и потокам интерпретаций.

Примечания

¹ См.: Эко У. Открытое произведение: время и общество // Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2006. С. 7.

- ² Эко У. Поэтики Джойса. СПб., 2003. С. 9.
³ Там же. С. 10.
⁴ Эко У. Эволюция средневековой эстетики. СПб., 2004. С. 243.
⁵ См.: Эко У. Поэтики Джойса. С. 111, 415.
⁶ Там же. С. 5.
⁷ Эко У. Открытое произведение. С. 80.
⁸ Там же. С. 80–81.
⁹ Эко У. Поэтики Джойса. С. 387.
¹⁰ Эко У. Открытое произведение. С. 9.
¹¹ а слова для Джойса // Ad Marginem '93. Ежегодник. М., 1994. С. 360–361.
¹² Там же. С. 359.

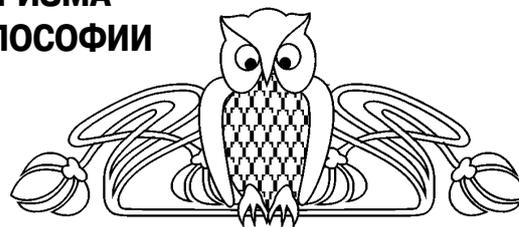
- ¹³ Деррида Ж. Указ. соч. С. 363.
¹⁴ Там же. С. 364.
¹⁵ Там же. С. 365.
¹⁶ Эко У. Открытое произведение. С. 17.
¹⁷ См.: Эко У. Поэтики Джойса. С. 471.
¹⁸ *Jose J. Finnegans Wake*. London, 1992. P. 628.
¹⁹ Эко У. Поэтики Джойса. С. 351.
²⁰ См.: *Jose J. Finnegans Wake*. P. 3.
²¹ Эко У. Открытое произведение. С. 10.
²² См.: Эко У. Поэтики Джойса. С. 336–337.
²³ Там же. С. 353.
²⁴ Там же.
²⁵ Там же. С. 355.

УДК [1:2] (470)

В ЗАЩИТУ НАПАДАЮЩИХ: ИСТОКИ И СУЩНОСТЬ АНАЛИЗА ТОТАЛИТАРИЗМА В ТРАДИЦИИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

А.В. Кузьмин

Саратовский государственный университет,
кафедра философии культуры и культурологии
E-mail: 2022181@mail.ru

В статье анализируются основные послы русской религиозной философии к важности исследования внутриличностных процессов духовной деградации личности и причины появления самой возможности прихода тоталитаризма. В традиции же современного истолкования проблемы все чаще приходится слышать лишь о «деградации общества», что представляется неверным, ибо такой широкий и поверхностный взгляд чреват ошибками в прогнозах и приходом самого тоталитаризма.

In Defence of the Assailants: The Origins and the Essence of Totalitarianism's Analysis in Tradition of Russian Religious Philosophy of the Silver Age

A.V. Kuzmin

This article examines the basic reference and access of Russian religious philosophy to importance of research into intrapersonal processes of the person spiritual degradation and the reason of the opportunity of totalitarianism's becoming. But more and more often we've got to hear about "degradation of the society" in modern interpretation of the problem. We understand this tendency as incorrect because such wide and superficial consideration of the problem is fraught with mistakes in prognoses and ascertainment of the totalitarianism.

Всё чаще взоры современных исследователей тоталитаризма обращаются на характерные черты этого явления лишь в плоскости социальных процессов, предавая забвению причинно-следственные связи этой патологии на личностном уровне. Стремясь понять законы тоталитарного мышления, объяснить причины существования в

этом мышлении механизмов оправдания насилия, найти предпосылки и заметить признаки тоталитаризма будущего – эти и другие задачи мыслятся теперь как разрешимые, если можно ответить на вопросы, которые ставятся только в плоскости изучения социального пространства.

Вследствие этого предается забвению анализ тоталитаристских идей на уровне индивида, что чревато неверными ожиданиями и прогнозами: ведь тоталитаризм немислим без человека, так как именно индивид является носителем идей тоталитаризма. Конечно, нельзя не согласиться с утверждением, что тоталитаризм немислим без какого-либо общества, и это очевидно. Но доказанность того, что тоталитаристские идеи получают свою легитимность сначала на уровне личности, а уже потом всего общества, является также очевидной. И эта очевидность стала таковой именно в отечественной философии периода, который принято называть Серебряным веком. Уже тогда философы, обращающие внимание на потенциальную опасность таких тоталитарных режимов, как политическая власть коммунистов и нацистов, со всей очевидностью говорили о неизбежности грядущих катастроф, показывая в качестве ярчайших примеров образцы начала деградации личности именно на уровне мышления¹.

Нападая с беспощадностью на малейшие признаки и проявления тоталитарного мышления, философы Серебряного века исходили из опыта внутриконтрастного подхода русского